

ism, murder or torture." Mr. Putin, meanwhile, He said Sunday, though, whipped up support w

ПУТИНСКАЯ РОССИЯ

Poroshenko has stressed that despite the cease-fire, Ukrainian forces would re-

the east become a lever influencing Kiev if the granted greater autonomy. Mr. Putin said the key to forging a lasting peace in Ukraine would require talks include all sides. "It is vital that dialogue between all conflicting sides would begin on the basis of the cease-fire to find a promise acceptable for

ДМИТРИЙ САЙМС

ПУТИН И ЗАПАД

accused of arming. Kremlin, meanwhile, led its support for a Ukrainian politician who sees to Mr. Putin as an intermediary in talks that it should focus on giving eastern regions more autonomy from Kiev.

Western leaders have said intend to step up pressure on Mr. Putin to stop separatists from fighting to secure the border with threat of tougher sanctions. Ukrainian President Poroshenko reiterated

НЕ УЧИТЕ РОССИЮ ЖИТЬ!

suming the presidency earlier this month, doesn't want a true cease-fire because it "would simply allow Russia to consolidate the gains of its aggression," he said. He doesn't want to esca-

the Kremlin in Moscow. As an intermediary in the the Kremlin is supporting Viktor Medvechuk, a Ukrainian politician and confidante of Mr. Putin is known in Ukraine for pro-Russia views. In Moscow, Kremlin spokesman Dmitry Peskov on Sunday said that Mr. Medvechuk had received the go-ahead from separatist leaders to meet with officials from the Organization for Security and Co-operation in Europe who were trying to arrange

Путинская Россия. Взгляд с Запада

Дмитрий Саймс

**Путин и Запад. Не
учите Россию жить!**

«Алисторус»

2015

Саймс Д.

Путин и Запад. Не учите Россию жить! / Д. Саймс —
«Алисторус», 2015 — (Путинская Россия. Взгляд с Запада)

Дмитрий Саймс – американский политолог советского происхождения. В США он работал советником президента Никсона по вопросам внешней политики, сейчас возглавляет Никсоновский центр и является издателем журнала «The National Interest». В своей новой книге Дмитрий Саймс анализирует политику Владимира Путина за последние годы. С определенными оговорками он считает ее обоснованной, а действия администрации Обамы, напротив, поспешными и часто выходящими за рамки здравого смысла. Отдельно он рассматривает политику Евросоюза, который ведет себя так, будто бы Россия является его частью, оценивая ситуацию в ней с точки зрения демократических стандартов ЕС. Между тем Россия имеет собственные традиции и особенности развития, поэтому пытаться «учить ее жить» по западным меркам по крайней мере неразумно. Дмитрий Саймс доказывает все это на многочисленных примерах из практики отношений России и Запада за период правления Путина.

Содержание

Вместо предисловия. Бжезинский на нас обижен	6
Теряя Россию	10
Американская администрация получила от Путина, что просила	10
Беда в том, что у Кремля нет в США своих лоббистов	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дмитрий Саймс
Путин и Запад. Не учите Россию жить!

© Саймс Д. (Simes D.), 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Вместо предисловия. Бжезинский на нас обижен

Фигура Дмитрия Саймса интересна не только как олицетворение неординарного эмигранта из Советского Союза, который практически молниеносно совершил головокружительную, по масштабам США, карьеру, став советником по внешней политике президента Никсона. Ему удалось сохранить удивительно добрые отношения с политической элитой на своей прежней родине и при этом рьяно отстаивать интересы родины, вновь обретенной. Этим видимым парадоксом, вероятно, можно объяснить исключительную влияние Дмитрия Саймса как в Москве, так и в Вашингтоне.

– Господин Саймс, какова история создания вашего центра? Как вы понимаете его миссию?

– Наш центр был создан 20 января 1994 года Ричардом Никсоном, через 25 лет после его президентской инаугурации. В это время в Вашингтоне было много разных мозговых трестов – либеральных, консервативных, неоконсервативных. Но такого места, где внешнеполитические реалисты ощущали бы себя как дома, не было. И Никсон решил его создать. К сожалению, он умер вскоре после того, как было объявлено о создании центра. Мы же, что называется, руководствовались никсоновскими заветами, хотя и шли по своему пути.

Центр Никсона – организация непартийная, или двухпартийная. Конечно, у нас есть свое политическое лицо. То, что я бы назвал «правоцентристская организация», умеренная по своей политической ориентации, но весьма склонная к тому, чтобы занимать необычные позиции и поднимать те вопросы, которые могут показаться кое-кому весьма неприятными.

Когда мы говорили с Никсоном о создании центра, он все время повторял: «Вы должны продемонстрировать мне две вещи. Первое, вы должны мне показать, где конкретная ниша для этого центра. А второе, вы должны мне доказать, почему другие не могут делать то же самое, так же хорошо или еще лучше». Поэтому мы не боимся быть провокаторами. Провокаторами не в отрицательном смысле, кого-то на что-то провоцируя, но занимающими такие позиции, которые могут показаться кому-то неожиданными, идущими слишком далеко.

Нам казалось, что в Вашингтоне слишком много людей, которые идут в мозговые тресты не потому, что хотят производить серьезные и новые идеи, а потому, что либо их присутствие в администрации закончилось, либо потому, что они надеются оказаться в следующей администрации. Такие люди, мягко говоря, бывают слегка ангажированы. Их позицию почти по каждому вопросу можно предсказать еще до того, как они стали изучать какой-то вопрос. Они просто смотрят, где находится основополагающее направление мысли в их партии или в их течении, что и становится их отправной точкой.

Мы отличаемся от других неправительственных организаций в Америке, поскольку сознательно решили, что не будем заниматься внутриполитической ситуацией в других странах. Мы хотим вести внешнеполитический диалог, например с истеблишментом России – с таким, какой он есть, а не таким, каким его хотелось бы видеть. Наши дискуссии с российскими коллегами неофициальны и неформальны. Мы не хотим подменять министерства иностранных дел наших стран. В то же время мы хотим, чтобы те люди, с которыми мы общаемся, имели бы выход к соответствующим фигурам в правительстве.

У нас есть небольшой, но очень авторитетный штат ведущих специалистов, которые возглавляют наши программы. Но мы не были бы столь эффективны, если бы у нас не было наших «старших товарищей». Под «старшими товарищами» я имею в виду тех людей, которые не работают в центре, но очень активно с нами сотрудничают, возглавляют наш совет директоров и консультативный совет. Нам было бы трудно вести эффективный диалог с Россией, если бы мы примерно раз в год, а иногда и чаще не организовывали бы ланчи между президентом

Путиним и почетным председателем нашего центра Генри Киссинджером. Нам было бы труднее работать с конгрессом, если бы в наш совет директоров и исполнительный комитет центра не входил бы сенатор Пэт Робертс, председатель сенатского комитета по разведке. Таких людей у нас в совете директоров и исполнительном совете достаточно много. Они являются, если хотите, приводными ремнями между нами и органами высшей власти.

– *С кем именно вы общаетесь в Москве?*

– Когда российская делегация недавно приезжала сюда, в Вашингтон, она встречалась с помощником секретаря по национальной безопасности Стивом Хедли, с первым заместителем министра обороны по международным делам, со многими ответственными представителями Госдепа и Белого дома. Мы же, когда приезжаем в Москву, традиционно встречаемся с министром иностранных дел, с секретарем Совета безопасности, с Шуваловым, с Дмитрием Медведевым, до него – с Володиным... С людьми на этом уровне. Двое моих коллег были осенью в Москве и в составе группы встречались с президентом Путиным.

Когда мы работаем с российскими коллегами, у нас нет какого-то одного стратегического партнера. По каждому вопросу мы находим организацию, которая целесообразна для нас как партнер. Координатором нашей последней поездки в Москву являлся Фонд эффективной политики, возглавляемый Глебом Павловским. Но у нас в России есть другие партнеры, как и у Глеба Павловского в США.

Нас в Вашингтоне часто упрекают в том, что мы занимаем пророссийскую позицию. Господин Бжезинский особенно часто упрекает нас и очень на нас обижен. Мы, конечно, очень переживаем, что не соответствуем его очень высоким ожиданиям. Как говорится, жизнь тяжела, и мы готовы и с этой печальной участью примириться. Мы исходим из того, что в диалоге по проблемам национальной безопасности у России и Америки есть свои интересы, и они должны быть четко сформулированы. Там, где возможно, следует искать точки соприкосновения и возможности для сотрудничества. Где невозможно – стараться найти формулу, чтобы разногласия не становились космическими и не мешали нам сотрудничать там, где вероятно совпадение взаимных интересов.

– *Можете ли вы объяснить, почему правительство США все же нуждается в организациях вроде вашей?*

– Когда мы создавали свой центр, мы не советовались с правительством США. И для нас мнение правительства по этому поводу не было центральным. Для того чтобы понимать, что происходит в американской политике, нужно иметь возможность диалога с властью. Мы такой диалог ведем. Но мы исходим из того, что очень трудно повлиять на политические решения со стороны. Я живу в Вашингтоне уже более 30 лет, общался с очень важными и значительными фигурами власти. И мне очень трудно представить себе, как можно повлиять на некое решение, разговаривая с кем-то в какой-то администрации. Мы пытаемся влиять реально, за счет нашего участия в политическом диалоге.

Чего практически нет в Москве – это взаимосвязей сообщающихся сосудов между организациями вроде нашей, средствами массовой информации и конгрессом. Если господин Гвоздев (редактор журнала *The National Interest*) сначала появляется на телевидении, затем его приглашают на слушания в конгресс, то возникает вопрос не о том, почему он нужен администрации, а почему администрация должна с ним считаться. Если его потом приглашают на встречу с вице-президентом, то это необязательно потому, что он нужен вице-президенту, а потому, что он представляет собой величину и носителя точки зрения, которая важна для вице-президента, для Белого дома.

По многим вопросам мы находимся в оппозиции и совсем не рассчитываем, что власть будет обращаться к нам за советом. Мы пытаемся сделать так, чтобы наши мнения имели политическое значение, чтобы их нельзя было бы игнорировать. С помощью средств массовой информации мы имеем возможность определять формат дебатов и их приоритеты. Например,

мы можем высказывать повышенный интерес к тому, что делается в Ираке, но гораздо меньший акцент делать на том, что происходит в Северной Корее.

Я много лет назад разговаривал с Доном Кендаллом (легендарный глава компании «Пепсико». – *Ред.*). Я встречался с ним в Университете Джона Хопкинса, где возглавлял небольшую программу по России и Восточной Европе. Дон Кендалл нас финансово поддерживал. Раз в месяц он меня приглашал на ланч в свою роскошную штаб-квартиру под Нью-Йорком. Дон был в хорошем настроении, постоянно подливал мне «Столичной». И вот он мне говорит: «Видел тебя недавно по телевизору. Ты выступал по поводу политики СССР. Но когда ты последний раз разговаривал с Брежневым?». Я ему ответил: «Понимаете, Дон, я вообще с ним никогда не разговаривал». Это было не совсем правдой: однажды я встретился с Брежневым на одном мероприятии в Москве до моей эмиграции, но поговорить нам особенно не удалось. «А вот я, – продолжал Дон, – вернулся из Москвы два дня назад и проговорил с Леонидом три часа. И он мне сказал то-то и то-то». Но тогда я спросил Дона Кендалла: а когда он разговаривал с обычными русскими, когда он последний раз заходил в советский магазин и интересовался, есть ли там колбаса, разговаривал ли он с секретарями обкомов, которые бы рассказали, в какой степени выполняются планы или почему они не выполняются. Конечно, на том уровне, на котором действовал Кендалл, эти вопросы были из совсем другого мира. Так вот мы и пытаемся принести в дискуссии новое измерение, которого часто не хватает в политических дискуссиях. Это наша миссия.

– *Какого рода иерархия существует в вашем центре?*

– У нас директора программ в принципе равны. Они необязательно равны между собой по своему престижу, возрасту и соответственно вознаграждению. Постоянных сотрудников у нас 18 человек. Кроме того, работают на полставки младшие научные сотрудники. У руководителя каждой программы есть такая группа сотрудников, на которых они полагаются. Но все обладают достаточной степенью автономии.

Мы с самого начала хотели быть небольшой организацией. Чем меньше, тем у вас больше средств на все остальное. Первые годы своей профессиональной жизни я провел в Институте мировой политики и международных отношений, работая на человека, которого звали Евгений Максимович Примаков. Работали мы вместе с Игорем Сергеевичем Ивановым на человека, которого звали Николай Николаевич Иноземцев. Я помню, даже тогда наши постоянные разговоры шли о том, что в институте было 750 сотрудников; если бы из них уволили человек 500, он стал бы только лучше, а оставшиеся, соответственно, получали бы лучшую зарплату. Кроме того, если бы мы стали крупной организацией, нам было бы трудно занимать позиции, которые я называл провокационными. Наконец, когда мы берем сотрудников, то исходим из того, что это люди, которые могут действовать на самом высоком уровне. Для наших руководителей программ возможность встречаться с руководителями стран, которыми они занимаются, является нормой. Если наша руководитель программы по энергетике находится в Азербайджане, то она встречается с Алиевым. Когда она бывает в Казахстане, она летит на самолете господина Назарбаева. Таких людей на рынке немного.

– *Пытается ли ваш центр представлять консолидированную точку зрения или же он является лишь площадкой для экспертов?*

– Ни одна серьезная организация вроде нашей не будет заставлять своих сотрудников произносить какие-то слова. Это неправильно, да и невозможно с людьми на определенном уровне. Но мне трудно представить себе человека в Heritage Foundation, который являлся бы либеральным демократом. Мне трудно представить себе человека в Carnegie Endowment, который был бы республиканским изоляционистом. Совершенно очевидно, что чем организация крупнее, тем более она эклектична. У каждой организации свое лицо. В Центре Никсона есть, конечно, разные люди, с разными подходами. Когда какого-то из наших сотрудников приглашают для выступления в конгрессе, никто не приходит к руководству центра с вопро-

сом, можно ли это сделать. Никто нам не представляет свои материалы для предварительной цензуры. Когда кто-то решает написать статью, никакого предварительного согласования или редактирования у нас нет и не может быть. Как организация мы очень редко выступаем с какой-либо позицией.

Но, с другой стороны, я бы слукавил, если бы сказал, что у нас нет своего лица. Оно у нас есть. Вы не найдете в Центре Никсона людей, которые считают, например, что США – это центр мирового зла. Если бы они здесь оказались, в долгосрочной перспективе им было бы некомфортно. Вы не найдете здесь людей, которые скажут, что главная миссия США – это распространение в мире добра и что все остальные должны Америке подчиняться. Это центр, ориентированный на политический реализм. Ну а внешнеполитический реализм говорит с разными акцентами, на нескольких диалектах. И они представлены в Центре Никсона.

– *Насколько различается работа российских и американских мозговых трестов?*

– Мы работаем по-разному. В России мозговые тресты тесно сотрудничают с властью. Хотя мы и стремимся тесно сотрудничать с любой администрацией, мы хотим, чтобы между нами и этой администрацией была если не каменная стена, то высокий забор. В этом заборе может быть пара калиток и даже одни большие ворота, но мы хотим играть по очень четким правилам. Мы очень осторожно относимся к любому государственному финансированию. Я не верю, что тот, кто платит, не захочет когда-нибудь, даже подсознательно, заказывать музыку, а весь смысл нашего существования в том, чтобы музыку мы писали сами.

Когда мы публикуем статьи в газетах, нам важно сознавать, что они будут иметь реальный резонанс. Руководители телепрограмм очень ориентируются на аналитические статьи в больших газетах. Я разговаривал с некоторыми людьми, определяющими политику на российском телевидении, но там механизм принятия решения несколько другой и ориентация на газетные статьи, прямо скажем, существенно меньше. Здесь есть двухпартийный конгресс, где у меньшинства очень большая и реальная власть, где в каждой комиссии имеется аппарат большинства и аппарат меньшинства. Когда готовятся слушания, свидетелей отдельно приглашают и республиканцы, и демократы. В России, как мне кажется, Дума сегодня играет совсем другую роль, чем конгресс в США. Это те самые механизмы, которые позволяют нам действовать по-другому. Механизмы влияния в наших странах не совпадают.

Беседа проходила в рамках International Visitor Leadership Program, организованной посольством США в России 27.03.2006.

Теряя Россию

Американская администрация получила от Путина, что просила

(из интервью «Новой газете», 01.10.2001)

Со дня трагических событий в Нью-Йорке проходит все больше и больше времени, каковы сейчас настроения американцев? Как они относятся к плану сотрудничества, предложенному Россией?

Об этом мы разговариваем с директором «Никсон-Центра», известным американским политологом и специалистом в области американо-российских отношений Дмитрием Саймсом.

– Дмитрий, прокомментируйте, пожалуйста, речь Путина в Германии относительно позиции России в акции возмездия.

– Мне кажется, что эта речь разумная. Она была однозначно хорошо воспринята в Германии – бундестагом и канцлером Шредером – и в целом хорошо воспринята в Соединенных Штатах. Речь создает впечатление, что президент Путин принял четкое решение в этой сложной и драматической ситуации – ориентироваться на участие в коалиции против терроризма и сотрудничество с Соединенными Штатами. Он, естественно, хочет, чтобы интересы России и его личные принимались во внимание. Он говорит о необходимости более активных и более углубленных консультаций. И я думаю, что иного в его положении трудно было бы ожидать.

Реакция на позицию России, особенно если речь идет об американской администрации, строится не только на основе публичных заявлений президента Путина, хотя они, конечно, изучаются, рассматриваются весьма серьезно, но и на основе многих других разговоров. Хочу обратить ваше внимание на практически беспрецедентный часовой телефонный разговор в позапрошлую субботу между Бушем и Путиным. И результаты этого разговора воспринимаются очень серьезно американскими высокопоставленными лицами. Эта беседа вызвала уважение у президента, который говорил своим коллегам, что Путин хочет, чтобы с Россией больше консультировались, что у него, естественно, есть свои интересы, чтобы проблема Чечни не была исключена из этой общей борьбы с мировым терроризмом, и что в то же время он вел себя как человек, как лидер, который готов серьезно сотрудничать с Соединенными Штатами.

Я хочу обратить ваше внимание, что США абсолютно удовлетворены позицией России в отношении воздушных перелетов. И президент Путин сформулировал, что будут иметь место перелеты с гуманитарными грузами. Но при этом не была предложена никакая процедура проверки, какие грузы – гуманитарные, какие – не гуманитарные. То есть в общем американская администрация получила от президента Путина то, что просила. И я думаю, что серьезным отношением президента Путина к сотрудничеству с Соединенными Штатами можно объяснить неожиданное понимание американской администрацией проблем, с которыми столкнулась Россия в Чечне. И я думаю, что это нормальная основа для диалога и сотрудничества, которая строится не на словах, личном обаянии лидеров, похлопываний по плечу и объятиях. А на том, что две стороны встречаются и говорят: вот мои национальные интересы, вот твои национальные интересы. Нам кажется, что они в основном совпадают. Как мы можем сделать так, чтобы это совпадение привело к конкретным результатам? И это совпадение националь-

ных интересов начало приводить к конкретным подвижкам после диалога президента Путина и президента Буша.

– *Существуют ли различия в настроениях американцев? По принципу левые – правые, интеллектуальная элита – средний американец.*

– Я думаю, что в Америке по-прежнему существует морально-политическое единство. Оно сложилось по ряду причин. Во-первых, потрясение настолько сильно, что разногласия отступают на второй план. И те, кто видел, что произошло в нижнем Манхэттене, поместили на вторую и третью полки все несовпадения во взглядах. Во-вторых, в Америке есть хорошая традиция. В момент кризиса конгресс и нация сплываются вокруг президента, который является Верховным главнокомандующим. Мы все хотим дать ему возможность защитить национальные интересы и проявить себя. Всегда найдутся какие-то группы, у которых есть своя точка зрения. Они хотели бы, чтобы мы разбомбили все остальное человечество или, наоборот, чтобы мы не замарали руки кровью хотя бы одного невинного младенца. Эти перспективы понятны. Но они не имеют отношения к серьезной политической динамике в Соединенных Штатах сегодня.

– *В первые дни после конфликта на интернет-форумах все же появились совершенно разные точки зрения. На форуме газеты «Los-Angeles Times», например, многие американцы критиковали речь Буша и обвиняли американскую администрацию в том, что случилось.*

– С фактической точки зрения вы правы. Не сомневаюсь, что, если бы вы посмотрели на форумы других газет, вы бы увидели то же самое. Особенно в таких больших и сложных по своей композиции городах, как Лос-Анджелес, который был далеко от трагедии.

И в то же время хочу вам напомнить, что люди, которые принимают участие в такого рода форумах, нетипичны. Я, например, не знаю ни одного такого человека. Это определенный контингент. Я говорю это не скептически. На это интересно посмотреть, но представлять как социологический опрос было бы неразумно. Если вы ознакомитесь с существующими опросами, то увидите, что подавляющее большинство – около 90 % – поддерживают то, что делает президент. Это состоятельные и менее состоятельные, американцы белые и американцы черные. И даже подавляющее большинство американских мусульман. Естественно, такая ситуация не будет продолжаться бесконечно. И это обнаруживается уже сейчас. Люди в частном порядке начинают говорить: знает ли администрация, что она делает? Какой у них план? Почему до сих пор не были нанесены удары?

Сегодня я разговаривал с одним из ведущих авторитетов в области американской внешней политики. Он спросил меня, что я думаю о действиях администрации. И я сказал, что пока все неплохо. Но это отчасти происходит потому, что мы исходим из того, что дуракам полработы не показывают. Точнее, потому, что только дураки будут иметь окончательное мнение по поводу вещей, которые мы еще не знаем. Но, конечно, есть какой-то элемент беспокойства: а что произойдет? как это будет сделано? не теряем ли мы драгоценное время в поисках создания коалиции? И этот человек, который неоднократно появлялся на американском телевидении и с которым считаются очень многие, сказал: «Да, я с тобой абсолютно согласен. Просто я этого не мог публично сказать, потому что это стало бы новостью». И у администрации есть такой запас общественного доверия, когда люди готовы истолковывать любое сомнение в их пользу, потому что люди хотят, чтобы президент и администрация достойно и эффективно справились с этими задачами.

Кроме того, в 2002 году в Америке состоятся выборы в конгресс – выборы довольно серьезные. И я думаю, что если к этому времени Америка будет участвовать не в нормальной, полноценной войне, а в такой непонятной ползучей войне, вы увидите, какие будут серьезные партийные разногласия.

– *На ваш взгляд, если бы трагические события случились в России, пришли бы люди в Вашингтоне к российскому посольству так же, как россияне – к американскому? Более того,*

два года назад взрывы в Москве не спровоцировали никаких общественных обсуждений ни на улицах, ни в массмедиа.

– На этот вопрос нет простого ответа. В Америке в последнее время подавляющее большинство американцев после окончания холодной войны вообще внешней политикой перестали интересоваться. Конечно же, за исключением нескольких элит, интересующихся внешней политикой. Посмотрите на американские СМИ и особенно на телевидение. Объем международной информации по телевидению сократился очень и очень резко. А для того чтобы с чем-то по-настоящему идентифицироваться, нужно это по-настоящему знать. Нужно иметь те же страшные кадры взрыва Международного торгового центра. Не только в отношении Москвы, но и в отношении Лондона и Тель-Авива мы их видели немного.

Кроме того, давайте называть вещи своими именами. В России тогда многие высказывали подозрения, что эти взрывы необязательно могли быть организованы чеченскими террористами и что у них могли быть и другие организаторы. Эти сомнения широко обсуждались в тех американских кругах, которые следят за внешней политикой. И они подорвали эмоциональную готовность многих идентифицироваться с тем, через что прошли москвичи и жители других городов. И даже те люди, которые, как и я, например, этим интерпретациям не до конца верили и говорили, что неправомерно выдвигать такого рода обвинения без веских доказательств, задавались вопросом: и все-таки как это произошло? Что, конечно, помешало такого рода идентификации не только среднего американца, но и следящих за внешней политикой элит.

Я думаю, что, если бы была в Москве такая же простая и понятная ситуация, как в Нью-Йорке, средний американец с его золотым сердцем помогал бы, и собирал деньги, и искренне делал все необходимое.

– *Прокомментируйте, пожалуйста, введение военной цензуры в Соединенных Штатах.*

– В США никто военную цензуру всерьез не обсуждает. Речь идет о том, чтобы не публиковать какие-то вещи, которые способствуют пропаганде ненависти и насилия и которые могут раскрыть информацию военного порядка. И все эти вещи могут быть невинными и могут быть угрожающими. Все зависит от того, где, как, на каких принципах это делается. В Америке предполагается, что будут четко сформулированные правила и что они будут исключительно в рамках закона. И никому не приходит в голову, что это будет использовано для политической цензуры.

В США сейчас вы имеете возможность задержать человека на 72 часа, если у полиции есть разумные основания подозревать его в опасности для общества. Но, для того чтобы получить на это ордер, нужно иметь доказательства, которые поднимаются до этой планки, разумные доказательства. И в Америке это свято выполняется. Вы не можете прийти в полицейский участок только потому, что кто-то вам не понравился, поскольку говорит какие-то неприятные вещи, да еще с акцентом, и приехал из Пакистана

Беда в том, что у Кремля нет в США своих лоббистов

(интервью «Независимой газеты», 22.02.2005)

– Господин Саймс, какова ваша оценка российско-американских отношений накануне саммита Буш – Путин? Произошли ли в них изменения по сравнению с первыми президентскими сроками двух президентов?

– Думаю, что фундаментальные изменения пока не произошли. Правительство Путина и администрация Буша, как мне кажется, сохраняют линию на стратегическое партнерство и видят, несмотря на имеющиеся разногласия, для себя в этом партнерстве реальные, серьезные преимущества. Именно во имя этого и организована встреча в верхах в Братиславе. С другой стороны, общий фон отношений изменился в худшую сторону, по крайней мере если речь идет о Соединенных Штатах, где СМИ, Конгресс, общественное мнение в целом все более критически воспринимают происходящие в России события, а также действия Москвы в ближнем зарубежье, которые рассматриваются как проявления неоимпериализма.

– Что послужило импульсом к усилению негативного отношения к России в Конгрессе, администрации, общественном мнении: «дело ЮКОСа», украинские выборы или что-то еще?

– Наверное, произошла комбинация вещей, и, как говорят марксисты, были объективные и субъективные факторы. Под объективными я имею в виду то, что произошло с российскими СМИ, особенно с НТВ, а также возросшее влияние властей на первый и второй каналы телевидения. Сюда также относится и то, что случилось с Думой, которая, как представляется здесь, не играет большой самостоятельной роли. Поэтому у многих в США складывается впечатление, что и СМИ, и парламент потеряли в России свою актуальность и что у одной ветви власти – исполнительной – стало слишком много контроля.

То, как обошлись с ЮКОСом, здесь практически никто не мог одобрить или по крайней мере понять. В числе этих людей и те, кто прежде негативно относились к действиям самого ЮКОСа и не являлись сторонниками Михаила Ходорковского. То, как ситуация с ЮКОСом разрешилась, как был проведен аукцион по «Юганскнефтегазу», когда абсолютно неизвестная группа откуда-то обнаружила миллиарды долларов и выиграла аукцион без соперников. Я не могу найти здесь никого, кому бы это понравилось.

Если раньше у России здесь были сторонники среди тех, для кого очень важно развитие демократии, то случившееся с парламентом и СМИ превратило этих сторонников в противников России. Бизнес не занял такую критическую позицию, но он тоже потерял интерес выступать в качестве группы поддержки России. Ведь когда здесь видят, как высокопоставленные чиновники президентской администрации становятся председателями совета директоров компаний, не до конца понятно, что это означает, как с этими компаниями сотрудничать, если ты иностранная фирма. Ведь если вдруг у партнеров возникнут противоречия, довольно трудно будет переспорить компанию, у которой большие возможности на высоком уровне, в Кремле.

Кроме того, на отношение к России повлияли также события в Грузии и особенно на Украине. И, конечно, то, как российская власть проявила себя в ходе президентских выборов в Чечне, которые все международные наблюдатели считали, мягко выражаясь, непрозрачными.

Все это объективные факторы. Субъективные же факторы заключаются в том, что в России нет информационной политики, которая была бы здесь видна и понятна. Президент Путин является и главой исполнительной власти, и своим основным публичным представителем. Многие вещи, происходящие в России, российской властью адекватно не объясняются, и поэтому площадка в США достается тем, кто относится к России критически. Бывшие олигархи и капитаны большого российского бизнеса наняли самых дорогих и эффективных аме-

риканских лоббистов и адвокатов. Они очень хорошо знают, как отстаивать свои интересы, и противовеса этому со стороны исполнительной власти в России я пока не видел. Было бы проще, если бы в России были журналисты, которые воспринимались бы как реальные создатели общественного мнения, и законодатели, у которых была бы какая-то независимая база и которые пользовались бы авторитетом. Эти люди могли бы сказать свое веское слово. Но, уменьшив возможности остальных секторов элиты, федеральная власть создала ситуацию, при которой, когда ей нужна поддержка, опереться практически не на кого.

– Многие аналитики полагают, что единственным действенным механизмом в урегулировании разногласий между Россией и США остаются личные контакты президентов. Чего вы ожидаете от встречи на высшем уровне в Братиславе?

– От Братиславы я жду успеха, поскольку эта встреча проводится в первую очередь для того, чтобы дать импульс российско-американским отношениям. Когда у обеих сторон есть такое желание, это должно произойти. И никаких непреодолимых препятствий я этому не вижу. В отношениях России и Соединенных Штатов нет сейчас таких антагонистических противоречий, нет такого конфликта, которые были в прошлом, например ракеты на Кубе или Шестидневная война. Так вот, сейчас нет конфликта, который помешал бы двум президентам сказать, что они в принципе о многом договорились.

Полагаю, что говорить о том, что отношения между двумя президентами строятся только на взаимной симпатии – большое упрощение. Взаимная симпатия, конечно, дело очень хорошее, но я думаю, что ни Путин, ни Буш не являются наивными идеалистами, чтобы строить отношения только потому, что они понравились друг другу. В отношениях очень много конкретики, и каждая сторона получила от этих отношений весьма немало. Каждая сторона не хочет эти отношения без нужды ломать. Но, как я уже говорил, все развивается на известном фоне, особенно в США, где общественное мнение и мнение Конгресса весьма важны. И в силу этого линию на партнерство с Россией Бушу будет проводить труднее. Ему придется все больше ее объяснять и обосновывать. Буш будет говорить Путину о российской внутривнутриполитической ситуации опять-таки не обязательно потому, что он сам критически относится к России, а потому, что это становится препятствием для расширения отношений. И я думаю, что если бы Буш об этом не сказал Путину, он бы просто ввел своего партнера в заблуждение. Наверное, и у Путина в Братиславе появится интересная возможность пояснить свою позицию Бушу. Эти аргументы Бушу будут нужны в диалоге с американским Конгрессом и средствами массовой информации.

– Разделяете ли вы точку зрения некоторых американских комментаторов, согласно которой Путин нравится в администрации только Бушу и Кондолизе Райс?

– Нет, не разделяю. Во-первых, я знаю целый ряд других людей, у которых Путин вызывает уважение. Слово «нравится» мне трудно употреблять всерьез, когда речь идет о межгосударственных отношениях. Они могут импонировать друг другу на личном уровне, и, кстати, очень многие считают Путина обаятельным человеком, как и президента Буша. Но опять-таки не на этом строятся отношения. Вице-президент Дик Чейни и министр обороны Дональд Рамсфелд также неизвестны как ястребы в отношении России.

Я бы не стал упираться на то, кто кому нравится. Возьмем в качестве примера Северную Корею, которая на днях заявила, что обладает ядерным оружием. Хотя центральным игроком в урегулировании данной проблемы, по мнению Соединенных Штатов, является не Россия, а Китай, российская позиция также немаловажна. А в отношении давления на Иран Россия является одним из центральных игроков. Америка хочет, чтобы Россия прекратила или минимально сузила свое ядерное партнерство с Ираном. Если Иран отказывается идти на эти меры, к которым его склоняют европейские страны и которые он сам обещал предпринять, тогда остается только два варианта, причем не взаимоисключающих: война и санкции. Можно сначала попробовать санкции, а если они не срабатывают, тогда администрация будет думать о

военных решениях. Чтобы ввести санкции, должен проголосовать Совет Безопасности ООН, где Россия является постоянным членом с правом вето. Если подумать обо всех этих темах, становится понятно, почему партнерство с Россией продолжает иметь смысл для Америки.

Возьмем энергетику. Почему многие относятся здесь критически к тому, что было сделано с ЮКОСом? Не только потому, что они считают, что нельзя таким образом использовать судебную систему, не только потому, что непонятно, как налоговая полиция становится чуть ли не главной силой в государстве, но потому, что сейчас очень высокие цены на нефть, которые мешают развитию Америки. И в американских интересах, чтобы Россия расширяла свое производство энергии. По мнению глав американских нефтяных компаний и американских аналитиков, Россия не может сделать это без крупных иностранных инвестиций. Поэтому если она иностранных инвесторов оттолкнет, то в первую очередь она накажет себя, но также Москва накажет и международные энергетические рынки. В американских интересах, чтобы российская энергетика преуспевала.

– В газете «Нью-Йорк таймс» недавно была публикация, согласно которой Америка разрабатывает новое ядерное оружие. Несколько месяцев назад президент Путин заявил, что у России скоро также появится новое ядерное оружие. Не являемся ли мы свидетелями очередного витка гонки вооружений?

– Еще во время администрации Рейгана, в середине советской перестройки, в Вашингтоне была организована так называемая военная игра. Американского президента играл Брент Скаукрофт, бывший и потом еще будущий помощник президента США по национальной безопасности, а на роль Горбачева избрали меня. Мы очень долго проигрывали конфликт в центре Германии и пришли к выводу, что возможен только один вариант применения ядерного оружия: если бы не СССР, а именно НАТО первая перешла границу Восточной Германии с большими неядерными силами. Тогда в стране поднялось бы восстание, и крупные силы НАТО оказались в центре Восточной Германии. Только так мы смогли вообразить возможный повод для ядерного конфликта. А сегодня я не могу вообще представить себе сценарий для российско-американского ядерного столкновения.

– Против кого тогда может быть направлено это оружие?

– Во-первых, ядерное оружие у вас либо есть, либо его нет. Если оно у вас есть, вам надо его испытывать. Иначе оно устаревает и перестает быть надежным. Если вы его должны на каком-то этапе заменить, потому что оно устарело, то по определению вы не захотите заменять его тем же самым, а замените его тем, что наиболее актуально с военной точки зрения, что более надежно. В американском случае речь идет об абсолютно нормальной модернизации, с тем чтобы создать оружие, которое более надежно и которое может не применяться еще долгие-долгие годы. Речь, кстати, идет об экспериментах, которые по сравнению с затратами на Ирак требуют ничтожных денег. Есть другие вопросы о создании оружия нового поколения, например ядерных зарядов, которые могли бы проникать в бункеры, под горы и так далее. Это явно предназначено не для нападения на Россию, ее ракетные базы, подлодки. Это предназначено для тех, кто разрабатывает ядерное оружие и пытается его где-то прятать. Россия к этой категории не относится.

– Ваш анализ ситуации вокруг Ирана. Будет ли война?

– Мне трудно представить себе подобную войну, поскольку нет хороших военных сценариев. Прогуляться на танках до Тегерана, конечно, можно, но что дальше? Мы уже видели, что произошло в Ираке: за что боролись, на то и напоролись. На берегах Тигра и Евфрата создалась очень тяжелая ситуация. Лично я был в свое время сторонником войны в Ираке, потому что не видел другого выхода и считал, что все альтернативы были еще хуже. Но я полагал с самого начала, что нужно было убрать Саддама Хусейна, создать условия для работы инспекторов и срочно уйти, передав власть тому, кто был готов ее подхватить: под эгидой ООН, Лиге арабских государств и т. д. Этого сделано не было. Сейчас, парадоксально, мы в какой-то мере начинаем

к этому возвращаться, возвращаться к отказу от максималистских демократических планов по реформированию Ирака. То, что продолжается сейчас в Ираке, может показать, как будет развиваться ситуация в случае широкомасштабных военных действий против Ирана. Другой вариант – нанести точечный удар по иранским ядерным объектам, но их точное местоположение мы даже не знаем. Представьте себе также иранскую реакцию и реакцию европейских союзников США. Это был бы крайне нежелательный поворот событий, и поэтому я надеюсь, что все будет сделано для того, чтобы дать возможность работать дипломатии. И тут требуется гибкость как с американской стороны, так и иранской. Не последнюю роль, конечно, играют отношения между Ираном и Израилем, поскольку именно угроза Ирана Израилю подливает масла в огонь и создает дополнительную опасность, ведь Израиль сам может атаковать Иран. Про это говорил американский вице-президент Чейни: а потом, мол, США придется расхлебывать последствия.

– *В последнее время официальные израильские представители заявляли, что уже в этом году в Иране будет пройдена точка, после которой обратить ядерную программу страны будет уже невозможно, то есть критический момент практически назрел.*

– Если бы я был на месте израильских официальных лиц, я бы тоже не позволял иранцам слишком расслабляться. Нет никакого противоречия между упором на дипломатию и демонстрацию реального потенциала применения силы. Дипломатия – это не только разговоры, это и просчет реальных вариантов, в том числе и силовых. Дипломатия с позиции силы практиковалась еще на заре человечества. Ситуация, повторюсь, очень сложная. Иран решительно выступает против арабо-израильского урегулирования, поддерживает «Хезболлах». Сейчас появились сведения, что он поддерживает ХАМАС. Для Америки пока это серьезная, но не апокалиптическая проблема. А для Израиля Иран – это потенциально апокалиптическая проблема. В результате Израиль сохраняет сценарий своих односторонних действий против Ирана, а во-вторых, максимально давит на Соединенные Штаты, чтобы те что-то сделали. Когда я говорю «давит», я не имею в виду, что Вашингтону выкручивают руки, но настойчиво повторяют: «Если вы не поможете нам разрешить эту проблему, нам придется сделать это самим».

– *Способен ли, на ваш взгляд, Израиль на односторонние силовые действия против Ирана, хватит ли у него сил?*

– Я думаю, что сил не хватит, если речь идет об уничтожении иранской ядерной программы на долгие годы, но в политике очень важно хотя бы отсрочить проблему, если ты не можешь ее разрешить. И это, наверное, по силам Израилю. В случае односторонней атаки Израиля существует угроза взрыва всего Ближнего Востока. В результате может возникнуть сильный антиизраильский, антиамериканский синдром. Это отдельная проблема. Именно поэтому США не хотели бы, чтобы Израиль делал подобные односторонние шаги. И все же если будет атака «Хезболлах» или ХАМАС, особенно с применением ОМУ против Израиля, то очевидно, что на израильское правительство будет оказываться сильное давление с целью предпринять какие-то шаги. Ситуация очень опасная. Мне кажется, что это один из тех аспектов международной политики, который должен заставить всех призадуматься и немного смирить гордыню, пойти навстречу друг другу. Это касается и Соединенных Штатов. США ведь заняли позицию, согласно которой, если бы Северная Корея отказалась от ядерного оружия и разрешила адекватные инспекции своих объектов, Вашингтон был бы готов рассмотреть выделение ей определенной экономической помощи. Если с КНДР, как мне кажется, делать это уже слишком поздно, то с Ираном пока нет. Поэтому договоренности с Ираном должны включать гарантии его безопасности, гарантии того, что там не будут пытаться менять режим из-за рубежа. С другой стороны, Иран должен отказаться от своей программы, должен понять, что если он не сделает этого по-хорошему, мирным путем, то окажется в ситуации если не войны, то перманентной изоляции, санкций и т. д.

– В Ираке продолжается эскалация насилия. На ваш взгляд, не пора ли Америке подумать о *exit strategy*, то есть «стратегии ухода» из этой страны?

– *Exit strategy* существует. Она состоит в том, чтобы создать легитимное правительство Ирака, пользующееся поддержкой основных групп населения, и постепенно передать этому правительству ответственность за безопасность страны, а потом не оставаться в Ираке ни днем дольше того, чем требуется, приветствуется иракским правительством. Все исходит из того, что легитимные иракские власти не захотят, чтобы оккупация продолжалась дольше, чем это необходимо, потому что оккупация помогает бороться с повстанцами, но она в то же время их и порождает. Иногда люди, говорящие об *exit strategy*, имеют в виду нечто другое, а именно – срочно взять и смыться. Но это, к счастью, администрация Буша делать не готова. Это не предлагает американский Конгресс. Как только даешь график ухода, то у другой стороны нет уже никаких причин идти на компромиссы, вступать в политический процесс, следовательно, ты подрываешь правительство, которое сам поддерживаешь, потому что сразу возникает вопрос: а зачем это правительство поддерживать, зачем ему подчиняться, если, может быть, через полгода его вообще не будет?

Вопрос для меня не в том, есть ли *exit strategy*: она есть. Но как иметь правильную стратегию ухода? Правильный вариант, на мой взгляд, тот, который не построен на ожиданиях джефферсоновской демократии в Ираке, то есть на немедленном предоставлении равных прав женщинам, создании идеальных отношений между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Надо создать в Ираке ситуацию, при которой будет режим, способный более или менее стабилизировать государство; режим, который не будет тираническим и будет готов исключить пребывание на иракской территории террористов. Если такой режим удастся создать, то тогда, на мой взгляд, можно будет сказать, что американцы свою миссию в Ираке исполнили и нужно как можно скорее уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.